

Люба Качмарска

ЛК – Стянули у мамы с плеч платок, сняли сапоги. А мы все были... ни у кого сапог не было, босые мы были. Так моя мама очень плакала, говорит: «Как я буду работать? Я не пойду, ни дров не принесу, ни для детей...» Говорит: «Передохнете, кулачьё!» И ограбили нас так, что позабирали всё, что только было в доме. У нас были такие казаны, в которых мама варила еду свиньям. Так те казаны позабирали, поразбивали. Корова у нас была во дворе, одна – забрали корову и теленка забрали, чтобы коровы не было. Позабирали всё подчистую! А когда мама сильно плакала, так сказали маме: «Ты будешь жить!» - потому что мама моя была из очень бедного рода, – «А твой муж, кулак, - говори нам, где он?» А мама говорит: «Я не знаю, где он!» Может, мама и знала - не знаю - но мама говорила, что не знает, и мама плакала. Так что очень маму ограбили; и как маме открыли хату и сказали выходить, то моя мама вышла, а мы все за ней, рядочком. Так мама очень сильно плакала. Мы все к маме прижимались. А потом в нашем доме забили окна, и двери позабывали, чтобы мы не зашли. Потому что мы не имели права жить в доме - мы должны были вымереть.

Тогда моя мама повела нас в сарай - мы были в сарае, или хлеву, что-то в этом роде... А потом, когда надо было... Пришла ночь, а негде было спать. Мама боялась – к сестре не поведет. Но крёстная мама нас забрала в свой сарай, и там дала нам прикрыться, и мы там спали. И мы сидели у крестной мамы в сарае - сидели, потому что, если бы знали, что мы у крёстной мамы сидим, то её бы наказали.

В моем селе, я знаю, что в том углу, где я жила, у нас было 22 хаты. Так люди остались только в трёх хатах. А в селе - я не знаю, сколько вымерло в селе. Потому что, когда я уже вернулась в школу, то нас в школе было 23-24, а вернулись мы шестером. А кроме этого – не было детей. Вернулись только мы шестером.

- *А было 23?*

ЛК – 23 или 26 нас было, а шестеро вернулись в школу.